

ФИЛОЛОГИЯ

Л.В. Хохлова

ПРОБЛЕМЫ РЕФЛЕКСИВИЗАЦИИ В ХИНДИ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Хинди, реализующий переход от эргативного к аккузативному состоянию, занимает промежуточное место между последовательно эргативными языками, где почти любая именная группа может быть антецедентом рефлексивного местоимения, и последовательно аккузативными языками, где контролером рефлексивов, как правило, выступает номинативный субъект.

Ключевые слова: Агенсно-ориентированный синтаксис, аккузативный язык, антецедент, контролирующие свойства именных групп, контроль рефлексивизации, мишень рефлексивизации, притяжательное местоимение, рефлексивное местоимение, типологический аспект.

Hindi that has survived the climax and the decline of the ergative development occupies an intermediate position between consistently ergative languages in which most constraints on the reflexivisation control are lacking – no term has any privilege as the reflexive antecedent – and consistently accusative languages where reflexive pronouns are always anteceded by nominative subject.

Key words: Agent-oriented syntax, accusative language, antecedent, controlling properties of NPs, ergative language, reflexivisation control, target of reflexivisation, possessive pronoun, typological aspect, reflexive pronoun.

Система рефлексивных местоимений в новоиндийских языках Западной Индии, в частности, в анализируемом хинди может быть охарактеризована как в плане состава ее членов, так и с позиций референциальных свойств этих последних. Подкласс возвратных местоимений хинди представлен не предполагающими каких-либо словоизменительных категорий местоимениями *aap, khud, svayam*¹; при этом только *aap* относится к основному словарному фонду, тогда как два других являются заимствованиями: *khud* – иранизмом, *svayam* – санскритизмом [Липеровский, 1978:121]. Существует также возвратно-притяжательное местоимение *apn-aa*, обычно используе-

¹ Здесь и далее в статье используется обычная для новоиндийских языков система транслитерации: фонологически долгие гласные обозначаются двойным символом (например, «*ā*» – как «*aa*», и т.п.); назализация гласных указывается постпозиционной тильдой (~); ретрофлексные обозначаются теми же знаками, что и зубные согласные, но в отличие от последних – прописными буквами (так, «*ṣ*» – как «*T*», и т.п.). В ссылках на использованные языковые источники используется практическая транскрипция. Ссылки на теоретическую литературу даются в квадратных, на использованные языковые источники – в круглых скобках.

мое для выражения значения принадлежности, но могущее приобретать и значение собственно, возвратного. В контекстах, когда *apn-aa* выступает в качестве эквивалента рефлексивного местоимения, оно приобретает форму косвенного падежа, единственного числа, мужского рода *apn-e* и облигаторно сопровождается необходимым по смыслу послелогом. Использование прямопадежной формы *apn-aa* (в женском роде – *apn-ii*) неизменно предполагает функцию эмфатической клитики, соотнесенной с именной группой (ИГ) субъекта [Davison, 2000]. В роли возвратного местоимения также употребляется (обычно осложняемая послелогом) комплексная форма *apn-e aap*, как правило, имеющая, помимо возвратного значения, и дополнительные эмфатические коннотации.

В данной статье будут проанализированы синтаксические контексты встречаемости рефлексивных местоимений, используемых в функциях актантов и модификаторов в предложениях хинди; при этом будет сделана попытка описать соотношение между референциальными свойствами соответствующих ИГ и типологическим статусом языка. В связи с последним необходимо подчеркнуть, что хинди занимает срединное положение на шкале эргативности, разработанной М. Клайман для современных индоарийских языков [Klaiman, 1991].

В индоарийском синтаксической сферой, в которой с максимальной отчетливостью проявляются типологически существенные характеристики рефлексивов, является сфера пассивных конструкций. Уже в древнеиндийском со времени создания ведийских прозаических текстов, имел место процесс перемещения важнейших субъектных свойств с поверхностного подлежащего предложения на агенс. В классическом санскрите агенсные ИГ обычно занимают начальную позицию в пациенсно-ориентированных конструкциях и осуществляют контроль над абсолютивами и рефлексивами [Носк, 1986] – например, в нижеследующих санскритских предложениях пассивный агенс контролирует рефлексив *sva* «свой»:

- (1) *tena...i viDaalo...j sva- i kandare sthaapitaH*
им (Instr) кот (Nom) свою в-пещеру (Loc) помещенный (PP)
Им (=львом) кот был помещен в свою (=льва) пещеру (Bala-Hitopadeśa, 1968 : 42).

Даже в случаях, когда агенсная ИГ пассивного предложения элизируется, она сохраняет свои контролирующие свойства:

- (2) *strii svam deśam gamyate*
женщина (Nom) свою (Acc) в страну (Acc) побуждается идти (Pass)
*Женщина побуждается [правителем] отправиться в его/*в ее (собственную) страну [Носк, 1991: 60].*

Начиная с эпохи ведийской прозы наблюдается концентрация основных субъектных свойств в агенсе [Hock, 1986]. Этот факт обычно трактуется как существенный признак эволюции языка в направлении эргативности. Данная синтаксическая тенденция достигла пика своего развития в ранний новоиндийский период, а в дальнейшем началось движение к спаду (Khokhlova, 1992). Изменения в морфологии и в поверхностно-синтаксической структуре языков, переживающих переход от эргативного к аккузативно-номинативному типологическому статусу, уже были описаны в соответствующей литературе [Dixon, 1994; Климов, 1983, и др.], однако происходящие в ходе данного процесса преобразования контролирующих свойств у ИГ различных типов никогда не исследовались сколько-нибудь подробно; здесь этот недостаток будет восполнен.

Из двух наиболее существенных субъектных свойств – контроля рефлексивов и контроля абсолютивов – агенс пассивного предложения в новоиндийском, похоже, с большей степенью готовности отказывается от первого, передавая соответствующие функции пациенсу пассивного предложения; в частности, в современном хинди в конструкциях с опущенным агенсом антецедентом рефлексивов обычно является пассивный пациент, и в этом отношении хинди отличается от санскрита (но обнаруживает сходство с русским языком):

(3) *mohan apne pad se haTaaya gayaa thaa*

Мохан своего с поста смещенный (Pass) был
Мохан был смещен со своего поста².

В случаях, когда в пассивном предложении хинди пациенсная ИГ оказывается маркированной аккузативным послелогом *ko*, она все еще может сохранять способность контролировать рефлексивы (см. в этой связи предложение (4), хотя в нем рефлексивное местоимение и используется альтернативно с соответствующим притяжательным):

(4) *mai~ ne socaa ki aap logo~ ko apni kaabiliyat*
я (Erg) подумал что вас людей (Acc) своей способности
aur dimaag kii vajah se yaha~ rakhaa gayaa
и ума по причине сюда помещенный (Pass)

Я подумал, что вас поместили сюда по причине ваших способностей и ума (фильм “Khalnayak”).

В пассивных предложениях типа (4) маркированная ИГ пациенса с равной вероятностью может контролировать и возвратное *apni* «свою», и притяжательное *aap kii* «вашу».

В целом для пассивных предложений хинди все еще характерным является стремление сохранять за агенсной ИГ полный набор ти-

² Примеры, в которых отсутствует ссылка на источник, получены от информантов.

повых субъектных свойств; соответственно, как это демонстрируют примеры (5) и (6), выраженная ИГ агенса может быть антецедентом и собственно рефлексива ‘*apn-e* + послелог’, и посессивно-рефлексивно-притяжательного местоименного прилагательного *apn-aa*:

(5) *mujh se apne bare me~ kuch kaha nahii~ jaaegaa*
мною о себе самом что-либо сказанное не будет (Pass)
Я не смогу о себе ничего сообщить.

(6) *ham se apne bhaai ko Daa~Taa nahii~ jaaegaa*
нами своему брату (Acc) «угрожено» не будет (Pass)
Мы не сможем угрожать своему брату.

Типологический статус языка важен для прояснения сути синтаксических факторов контроля за рефлексивами. Это можно наглядно продемонстрировать, сопоставив пассивные предложения из русского (типологически аккузативного языка) и хинди (языка с деградирующей эргативностью, трансформирующегося в язык аккузативно-номинативного типа). В пассивном предложении русского языка с выраженными ИГ агенса и пациенса именно пациенсная ИГ контролирует рефлексив (7). В хинди структурно аналогичное предложение двусмысленно: часть носителей связывает роль контролера рефлексива с ИГ агенса (8), другая часть – с ИГ пациенса. Многие отмечают двусмысленность предложения (8). Подобная двусмысленность может сниматься либо за счет изменения порядка составляющих, либо включением предложения в более широкий контекст:

(7) *Молодой банкир i был застрелен наемным убийцей в своем i офисе.*

(8) *mujh se i ye bacce j apne i/j kamre me~ band*
мною эти дети своей комнате в закрытые
nahii rakhe jaae~ge
не оставленные будут (Pass)

Я не смогу оставить этих детей запертыми в своей?моей? комнате

Предложение (8) является слегка измененным примером, приводившимся Я. Качру [Kachru et al., 1976] и затем интерпретировавшимся М. Клайман [Klaiman, 1979]. Изменения сводятся к тому, что у Качру пациенсная ИГ в (8) была маркирована направительным послелогом *ko*: *baccho~ + ko* (букв.) «детей». Согласно Качру, в ходе опросов некоторое число носителей решили, что единственным контролером рефлексивно-притяжательного *apne* в (8) может быть ИГ агенса; и при этом часть их предлагала пояснения вида: “the room belongs to me”, «комната принадлежит мне». Остальные информанты

Качру показали, что соответствующую функцию можно с равной вероятностью соотнести и с агенсной, и с пациенсной ИГ. При этом среди ее информантов не нашлось ни одного, кто посчитал бы антецедентом рефлексива исключительно пациенсную ИГ. С целью проверки того, может ли немаркированная пациенсная ИГ пользоваться предпочтением в качестве контролера рефлексива, были внесены указанные изменения в структуру исходного предложения. Трактовка модифицированного предложения носителями не изменилась.

В пассивных предложениях хинди с элизированной агенсной ИГ эта последняя осуществляет контроль над деепричастными оборотами и соответственно может быть антецедентом рефлексива, содержащегося в составе такого оборота:

- (9) [apne haath se khariidkar] kabhii kuch diyaa bhii to
 своей рукой купив когда-либо что-либо данное даже Emph
 nahii~ gayaa
 не было (Pass)

(букв.) «Ничто не будучи купленным [тобой], никогда и не было дано [ребенку]», т.е. «Ты сам никогда ничего не купил и не дал [ребенку]». (Amarkant, 1984: 16).

В различных языках мира агенс, занимающий верхнюю позицию в иерархии антецедентов, обычно сопротивляется тому, чтобы стать мишенью рефлексивизации. А. Дэвисон [Davison, 2000] приводит пример нетипичного для хинди предложения, где пациенсная ИГ, предшествующая агенсной, осуществляет контроль над рефлексивно-притяжательным местоимением *apn-e*.

- (10) raam ko apne bacco~ ne ghar se nikaal diyaa
 Рама Асс свои дети (Erg) дома из выгнали
 Рама свои дети выгнали из дома.

Как отмечает сама Дэвисон, многие носители хинди предпочитают в подобных контекстах использовать не *apn-e* «свои дети», но вторичную притяжательную конструкцию *us ke* «его (дети)». Заметим, что предложение (10) делается более естественным, если вслед за рефлексивом поместить маркирующую фокус-частицу *hii*; естественность еще более увеличится в случае замены *apn-e* конструкцией *us ke apne* «его собственные дети», что является свидетельством притяжательной коннотации в значении *apnaa* в рассматриваемом примере (10):

Агенсные ИГ пассивных предложений не склонны становиться мишенью рефлексивизации, в особенности это утверждение справедливо для агенсов модальных пассивов. В своей статье П. Хук и О. Коуль приводят пример предложения с пассивно-потенциальным глаголом-сказуемым, в котором пациенсная ИГ, оформленная кос-

венным падежом и последующим инструментальным послелогом, оказывается неспособной «связывать» рефлексив, включенный как определение в агенсную ИГ:

- (11) beTii *apnii / us-kii maa~ se choRii nahii~ jaatii
 дочь *своей/ ее матерью брошенная не бывает (Pass)
 Дочь *своей/ ее матерью не оставляется (=не может быть оставлена)
 [Hook, Koul, 1992].

«Нейтральные» (немодальные) пассивы в противовес модально окрашенным допускают такое «связывание» рефлексива, включенного в агенсную ИГ, но лишь при условии, что последняя занимает в предложении очевидную позицию фокуса:

- (12) jo baap-i apne i hi sab se pyaare beTe dvaaraa
 который отец своим Emph самым любимым сыном Instr
 khaandaanii makaan se haTaayaa gayaa hai, vah kaise jiiogaa
 семейного дома из изгнанный есть (Pass) он как выживет
 Как выживет тот отец, который изгнан своим самым любимым сыном из семейного дома?

Тот факт, что рефлексивы агенсной ИГ могут «связываться» в предложениях с «нейтральными» пассивами (12) и не могут быть мишенью рефлексивизации в предложениях с модально окрашенными пассивами, свидетельствует о том, что по своим субъектным свойствам указанные агенсные ИГ характеризуются достаточной степенью различий. Функционирование агенсных ИГ в предложениях хинди с «нейтральными» пассивами напоминает ситуацию в русском языке, где модифицирующее агенс пассива рефлексивно-посессивное местоимение *свой* может быть «связано» пациенсом пассивной конструкции:

- (13) Он-и был отправлен своим-и лучшим другом

Как и русское *собой*, полная рефлексивная анафора хинди ‘*apn-e* + послелог’ не может осуществлять функцию агенсной ИГ пассивного предложения:

- (14) *siitaa i apne i se paraajit kii gaii thii
 Сита самой (Instr) побежденная стала (Pass)
 *Сита была побеждена собой [Падучева, 1985: 189].

В хинди рефлексивная анафора причастного оборота с активным причастием может «связываться» субъектной ИГ матричного предложения, не являющейся ведущим компонентом причастного оборота:

- (15) *us- ne apne paas aaye hue logo~ kii or*
 он (Erg) себя возле пришедших людей в сторону
nazar bhii nahii~ Daalii
 взгляд даже не бросил
Он и взгляда не бросил на людей, собравшихся возле него.

Примечательно, что при переводе предложения (15) хинди на современный русский в последнем может быть использовано только посессивное местоимение (*н*)его, однако на предыдущих ступенях эволюции русского языка в подобных контекстах допускался и рефлексив *себя* [Падучева, 1985: 198].

На синтаксис хинди, в отличие от русского, не распространяется действие «универсалии» Росса, в соответствии с которой процессы рефлексивизации не распространяются на «относительные придаточные свернутого типа» (т.е. агенс матричного предложения не может контролировать ИГ в причастных оборотах) [Ross, 1967; Subbarao, 1971: 204–205]. Такие предложения хинди, как (16), где и субъектная ИГ матричного предложения, и ведущий компонент причастного оборота способны выступать в роли антецедентов рефлексива, воспринимаются носителями как правильные, но двусмысленные:

- (16) *apne i/j kamre me~ baiThe hue logo~ j ko mai~i nahii~ jaantaa*
 своей комнате в сидящих людей (Acc) я не знаю
Я не знаю людей, сидящих в своей (= ?моей/?их) комнате [Subbarao, 1971: 205].

В хинди в отличие от русского анафора причастного оборота может контролироваться не только агенсом, но и посессором субъектной ИГ главного предложения при условии, что такая субъектная ИГ семантически выступает как – физическая или абстрактная – часть посессора.

- (17) *us-kii i nigaah-e-intihaab apne i baap ke tabaah kiye hue*
 его (Gen) ищущий взгляд своего отца (Gen) уничтоженный
harat par paRii
 Харат на упал
Его ищущий взгляд упал на Харат, уничтоженный его [собственным] отцом [Tarar, 1972: 63].

Подобный посессор может контролировать и деепричастие – сравни в этой связи предложение (18):

- (18) [*bacpan kii saheliiyo~ se milkar*] *us-kaa man*
 [детства Gen подругами с встретившись] ее душа
prasanna ho gayaa
 счастливая сделалась
Встретившись с подругами детства, она стала счастливой [Kachru, 1980: 84].

В то время как рефлексивное местоимение причастного оборота с активным причастием контролируется, как правило, агенсом матричного предложения, антецедентом рефлексива в обороте с пассивным причастием может быть только пациенсная ИГ матричного предложения:

- (19) *apne maalik i se saaf suuthraa na rakhaa huaa ghar i*
 своим владельцем Instr чистый опрятный не удержанный дом
kabhii bik nahii~ saktaa
 никогда продаться не может
Никогда не может быть продан дом, не содержащийся владельцем в чистоте и опрятности.

Предложения с инфинитивом или отглагольным именем служат источником синтаксической омонимии, так как антецедентом рефлексивного местоимения в них могут быть как субъектная ИГ матричного предложения, так и возможный агенс инфинитива или отглагольное имя. Предложения, подобные (20) и (21), ниже, неизменно воспринимаются носителями хинди как двусмысленные:

- (20) *ašok i ne lalita j se [apne i/j liye caay banaane] ko kahaa*
 Ашок Erg Лалит Instr [себя для чай приготовить Acc сказал
Ашок сказал, чтобы Лолита приготовила ему?себе? чай [Kachru et al., 1974].
- (21) *mai i kabhii pahle apnii i/j nazmo~ ke itne acche*
 я когда-либо прежде своих/его стихов Gen столь хорошим
alocak j se nahii~ mila
 критиком с не встретился
Я никогда прежде не встречался со столь хорошим критиком своих (моих?его?) стихов.

Исследователями анализировались некоторые факторы, позволяющие устранить или до определенной степени уменьшить неоднозначность, вызванную синтаксической омонимией – смотри, например, работы [Montaut, 1994; Davison, 2000] в связи с хинди или [Падучева, 1985] в связи с русским языком. Одним из таких факторов является направленность глагольного действия по отношению к участникам ситуации, ср. (22), где конечной точкой движения является положение Мохана (агенс матричного предложения) и (23), где описывается движение от начальной точки Гиты (агенс деепричастного оборота):

- (22) *mohan i ne giitaa j ko apne i/?j kamre me~ aate hue dekhaa*
 Мохан Erg Гиту Acc свою комнату в входящую увидел
Мохан увидел Гиту, входящую в его/?ее комнату.

(23) *mohan i ne giitaa j ko apne j?i kamre se nikalte hue dekhaa*
Мохан Erg Гиту Асс своей комнаты из выходящую увидел
Мохан увидел Гиту, выходящую из своей /?его комнаты.

Как пыталась показать А. Монто [Montaut, 1994], существенны также референциальные свойства потенциальных ИГ антецедентов, прежде всего положение на иерархической шкале личности. Сравни в этой связи примеры (24) и (25), где высшее в иерархии местоимение 1-го лица остается контролером рефлексивизации независимо от того, выражает ли оно агенс матричного предложения или инфинитивного оборота:

(24) *mai~ i hamešaa un me~ se kisii na kisii j se*
я всегда их Лос Abl кем-нибудь с
apne i choTe bhaaii ke saath khelne ko kahtaa huu~
своим младшим братом вместе играть Асс говорю
*Я всегда прошу кого-нибудь из них поиграть с моим (*их < своим) младшим братом.*

(25) *un me~ se koi na koi i hamešaa mujh j se*
их Лос Abl кто-нибудь всегда мной с
apne j choTe bhaaii ke saath khelne ko kahtaa hai
своим младшим братом вместе играть Асс говорит
*Кто-то из них всегда просит меня поиграть с моим (*их < своим) младшим братом.*

Следует подчеркнуть, что в обоих предложениях рефлексив *apnaa* «свой» может свободно варьироваться с притяжательным местоимением *meraa* «мой».

Впрочем, наши языковые информанты не подтвердили трактовки предложения (25), предложенной Монто: для них контролером рефлексивного местоимения в (25), как и в (24), является агенс матричного предложения: *Кто-то из них всегда просит меня поиграть* «с их (но не «моим») младшим братом». Некоторые отмечали двусмысленность предложений (24) и (25). Таким образом, гипотеза о влиянии агентивных свойств именных групп на снятие синтаксической омонимии нуждается в дальнейшей проверке.

Заслуживает внимания также проблема контроля над рефлексивами хинди со стороны ИГ, соотнесенных с такими функциональными ролями, как экспериенцер, посессор (дополнительно маркируемый локативным и другими послелогоми), бенефактив и пациенс. Контроль со стороны ИГ экспериенцера рассматривался в [Davison, 2000; Hook, Koul, 1992], поэтому ниже будут подробнее рассмотрены контролирующие свойства посессора, бенефактива и пациенса. Как следует из примеров (26–28), ИГ посессора и бенефактива могут «связывать» рефлексивы только в предложениях либо

с экзистенциальными [(26), (27)], либо с квантифицирующими (28) предикатами:

(26) *mere paas apne liye bhii samay nahii~ hai*
меня около себя для даже время не есть
У меня нет времени даже для [самого] себя.

(27) *hamaare ghar me~ apne niyam hai~*
наш дом Лос свои правила есть
В нашем доме действуют (букв. «есть») свои правила.

(28) *mere liye apniii tuun biiyiiyaa~ kaafii hai~*
меня для свои три жены достаточные есть
cauthii šaadii mai~ nahii~ karuu~gaa
четвертую женитьбу я не сделаю
Своих трех жен мне достаточно, в четвертый раз я не стану жениться.

Реализация контроля над рефлексивами со стороны неагентивных ИГ часто имплицитно так называемый ‘positive set reference’ [Timberlake, 1980], т.е. «связываемый» элемент предполагает уникальный характер референции и отношение «принадлежности» или «обладания»; в принципе, его можно считать омонимичным рефлексиву прилагательным, хотя различия между этими двумя не всегда ясны.

Пациенсные ИГ хинди также в определенных контекстах могут контролировать рефлексивы:

(28) *DairekTar i ne mohan-j ko apne-?i/j pad se haTaayaa*
директор Erg Мохана Асс своего поста с сместил
Директор сместил Мохана со своего (= ? директора/ Мохана) поста.

Само по себе предложение (28) носителями трактуется достаточно определенно: единственно возможным контролером рефлексива *apne* в данном случае считается пациенсная ИГ. Однако, как было показано Хуком и Коулем [Hook, Koul, 1992: 73], предложения вида (28) нередко воспринимаются как «неоднозначные», и это определяется характером лексических единиц, замещающих соответствующие позиции в высказывании. Так, в отличие от (28), предложение (29) имплицитно подразумевает неоднозначность:

(29) *mai~ i ne kitaab j ko apniii i/j jagah par rakhaa*
я Erg книгу Асс свое место на положил
Я положил книгу на свое (т.е. «на ее» – например, при расстановке книг на полке) место/ Я положил книгу на свое (т.е. «на мое» – например, желая подвинуться) место [Hook, Koul, 1992: 73].

В отличие от русского языка ИГ реципиента в хинди может контролировать рефлексивы в конструкциях с инволитивными глаголами

(30) и в пассивных предложениях с поверхностно элизированным агенсом (31):

(30) *agar mujhe i kal tak apne i bhaai kaa hissa nahii~ milegaa*
если мне завтра до своего брата Gen доля не встретится
to mai~ tumhaaraa khuun karuu~gaa
то я ваше кровопускание сделаю

Если до завтра у меня не окажется доли моего (< своего) брата, то я вас убью.

(31) *saaziš yah thii ki siitaa i ko apni i baccii*
заговор тот был чтобы Сите Асс своя дочь
na dikhaai jaae
не показана была бы (Opt+Pass)

Заговор состоялся в том, чтобы Сите не показывать ее [собственную] (< свою) дочь.

Добавим к сказанному, что возвратно-притяжательное *apnaa* в предложениях хинди может предполагать и обобщенное (32), и – при соотнесенности с первым лицом – «инклюзивное» (33) значение:

(32) *apnaa ghar sab se acchaa hotaa hai*
свой дом всех из хороших бывает
Свой дом всегда лучше всех.

(33) *o, love story! yah apnaa kaam nahii~*
межд. любовная история! это свое дело не есть
А, [так это – всего лишь] любовная история! [Ну], это не наше (< свое) дело! [фильм ‘Ašiki’]. (Произносится двумя полицейскими, вначале заподозрившими нечто криминальное, но затем понявшими, что речь идет о любовном послании).

В (33) рефлексив *apnaa* может быть замещен притяжательным *hamaaraa* «наш». Попытки выявить заметные семантические различия между рефлексивами и посессивами, употребляемыми в данном и аналогичных контекстах, оказались не вполне успешными. Однако стилистические расхождения форм все же были замечены: по свидетельству большинства информантов, рефлексив «предпочтительнее», поскольку маркирует «более рафинированную речь». В этой связи, по-видимому, не случайно то, что в языках соседних с хинди и родственных ему, но обладающих менее разработанным и менее нормализованным прозаическим стандартом, в указанных контекстах предпочитают не рефлексивные, но посессивные местоимения. Например, это имеет место в марвари (34):

(34) *mhai~ mhaarii baayaa rii sagaaii aap-rai*
я моей дочери Gen обручение Вашим

surendar suu~ karnii caahvu~ huu~

Сурендаром с сделать хочу

*Я хочу обручения моей (*своей) дочери с вашим Сурендаром (Mathur, 1966: 103).*

Можно поэтому высказать предположение, что и в прозе раннего хинди в контекстах, когда позиция субъекта замещалась местоимениями 1-го или 2-го лица, эти последние чаще «связывали» представленные в предложении посессивы, чем рефлексивы. Заметим в связи с этим, что, если сравнивать современный русский и русский язык первой половины XIX в., то в последнем (в противовес современному) посессивы в качестве антецедентов местоимений 1-го или 2-го лица в рассматриваемых контекстах также заметно преобладали над рефлексивами [Падучева, 1985: 204]. Таким образом, варьирование рефлексивов и посессивов в рассмотренных контекстах, возможно, детерминируется социолингвистическими факторами, и выбор между формами целиком определяется степенью разработанности нормализующих стандартов.

Но есть основания считать, что значимым для указанного выбора является также и типологический статус языка: в частности, в аспекте контроля над рефлексивными и посессивными местоимениями, хинди, реализующий переход от эргативного к аккузативному состоянию, занимает место между представляющим более последовательную эргативность кашмири и собственно аккузативным русским языком.

В кашмири не только ИГ экспериенцера, пациенса и реципиента, но и таковые исходной точки (если эти последние оформляются дативом) способны выступать в функции антецедентов рефлексивов; если при этом в предложении присутствует и ИГ агенса, то такое предложение становится неоднозначным, а выбор антецедента осуществляется на базе прагматики [Klaiman, 1979, Hook, Koul, 1992: 68–83]. В этом плане ситуация в «эргативоидном» кашмири весьма сходна с таковой в собственно эргативных дагестанских языках, в частности, в охарактеризованном А.Е. Кибриком чирагском. – В последнем характерные для аккузативных языков (типа русского) ограничения на контроль за рефлексивами практически не работают, и ни одна из составляющих предложения не получает предпочтения в качестве возможного антецедента рефлексивов; отбор же конкретной ИГ на роль контролера рефлексивного местоимения целиком определяется коммуникативной перспективой предложения, а ИГ, являющаяся мишенью рефлексивизации, как правило, занимает позицию «справа от контролирующей ИГ» [Кибрик, 1992: 212–213].

Как и в чирагском, в предложении кашмири любая ИГ, в том числе агенсная, может осуществлять функции и контролера, и мишени рефлексивизации. В предложении русского языка агенсная ИГ

никогда не выступает в функции мишени рефлексивизации. Однако в хинди, «промежуточном» между кашмири и русским, агенсная ИГ может оказаться «связанной» – это происходит в тех контекстах, когда она оказывается фокусом эмпатии.

В противовес аккумулятивному русскому языку с его субъектно-ориентированным синтаксисом типологически переходный хинди является, скорее, агенсно-ориентированным и соответственно гораздо более терпимым к контролю над рефлексивами со стороны тех ИГ в предложении, которые имеют косвеннопадежное оформление. Примечательны также расхождения между русским и хинди в сфере контроля над анафорическими местоимениями в причастных оборотах: в современном русском (но не в старом русском, где это правило могло не соблюдаться) рефлексив свернутого релятивного предложения может контролироваться только его субъектной ИГ, тогда как в аналогичных контекстах хинди в функции подобного контролера может выступать также и субъектная ИГ матричного предложения. Тем самым современный хинди нарушает закономерность, предложенную Россом, но не исключено, что, как это имело место в истории русского языка, с дальнейшим прогрессом аккумулятивности в хинди правила контроля над рефлексивами в нем будут в большей степени соответствовать универсалии Росса [Ross, 1967].

Таким образом, похоже, специфика процесса рефлексивизации в языке оказывается теснейшим образом связанной с его типологическим статусом. Можно, в частности, предположить, что характеризующая новоиндийские языки Западной Индии иерархическая шкала эргативности, выстроенная М. Клайман на базе *кодирующих свойств* ИГ в предложениях этих языков, вполне соотносима с иерархией, основанной на *свойствах контроля*, присущих тем же типовым ИГ этих языков.

Список литературы

- Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Климов Г.А. Принципы континентальной типологии. М., 1983.
- Литеровский В.П. Именные части речи языка хинди. М., 1978.
- Падучева Е.В. Возвратные местоимения // Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985. С. 180–209.
- Comrie B. Anaphora: Descriptive and Explanatory Approach (лекция, прочитанная на филологическом ф-те МГУ им. Ломоносова в мае 1997 г.). М., 1997.
- Davison A. Lexical Anaphors in Hindi-Urdu // J. Gair et al. (eds.) Lexical Anaphors and Pronouns in Some South Asian Languages. Berlin, 2000. P. 397–470.
- Dixon R.M.W. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Harbert W.E., Dayal V.S. Arbitrary apnaa // South Asian Language Review. 1994. Vol. 4. N 1. January. P. 75–88.

- Hock H.H. “P-Oriented” Constructions in Sanskrit // South Asian Languages. Structure, Convergence and Diglossia, ed. Bh. Krishnamurti. Delhi, 1986. P. 15–26.
- Hock H.H. Possessive Agents in Sanskrit? // Studies in Sanskrit Syntax / Ed. H.H. Hock. Delhi, 1991. P. 55–69.
- Hook P.E., Koul O.N. Reflexive Possessives in Kashmiri and Hindi-Urdu: Evidence for an Antecedency Hierarchy // South Asian Language Review. 1992. Vol. 2. N 1. January. P. 68–83.
- Kachru Y. et al. The Notion “Subject”: a Note on Hindi-Urdu, Kashmiri and Panjabi // The Notion of Subject in South Asian Languages. University of Wisconsin. Dept. of South Asian Studies. Publication Series. Publication 2. 1976.
- Kachru Y. Aspects of Hindi Grammar. New Delhi, 1980.
- Khokhlova L.V. Trends in the Development of Ergativity in New Indo-Aryan // Osmania Papers in Linguistics. 1992. Vol. 18. P. 71–98.
- Klaiman M.H. On the Status of Subjecthood Hierarchy in Hindi // IJDL. 1979. Vol. 8. N 1. P. 17–31.
- Klaiman M.H. Mechanisms of Ergativity in South Asia. Studies in Ergativity / Ed. R.M.W. Dixon. Amsterdam, 1991.
- Montaut A. Reflexivation et Focalisation en Hindi/Ourdou // Bull. de la Societe de Linguistique de Paris. T. LXXXIX. Fascicule 1. 1994. P. 83–119.
- Ross J.R. Constraints on variable in syntax // MIT doctoral diss. 1967. Quoted from K. Subbarao, 1971.
- Timberlake A. Oblique Control of Russian Reflexivization // Morphosyntax in Slavic. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1980.
- Subbarao K.V. Notes on Reflexivization in Hindi Syntax // Studies in the Linguistic Sciences 2.1. 1971. P. 180–214.
- Yokoyama O.T., Klenin E. The semantics of ‘optional’ rules: Russian Personal and Reflexive Possessives // Sound, Sign and Meaning. Ann Arbor: Univ. Mich. press., 1976.

Источники

- Bala Hitopadeśa. 1968. Jaipur.
- Amarkant. 1984. Pratinidhi kahaniyan. Nai Dilli: Rajkamal Prakaśan.
- Mathur, Govindlal. 1966. Daktar rau byaa`v // Rajasthani Ekanki, sampadak Ganpati Chandr Bhandari, Udaipur: Rajasthan Sahitya Akadami. P. 97–120.
- Tarar, Mustansar Hussain. 1972. Nikle tari talaś men. Lahor.

Сведения об авторе: Хохлова Людмила Викторовна, канд. филол. наук, доц. кафедры индийской филологии ИСАА МГУ. Тел.: 457-17-57. E-mail: lvik@orc.ru